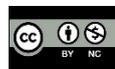

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2025-6-149-179

Внутрироссийская образовательная миграция молодежи: привлекательность регионов для получения высшего образования

А.М. Ситковский

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Российская Федерация.

E-mail: omnistat@yandex.ru

А.В. Дождиков

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

E-mail: antonddn@yandex.ru

✉ *omnistat@yandex.ru*

Аннотация. *Введение.* Внутрироссийская образовательная миграция молодежи актуальна в связи с необходимостью сбалансированного пространственного развития образовательной системы и повышения привлекательности региональных вузов. Отсутствие эффективной региональной образовательной политики ведет к неравномерному распределению молодежи и возникновению региональных диспропорций в доступности высшего образования. *Цель* исследования – типологизация российских регионов по характеру образовательной миграции молодежи с целью формирования научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию региональной образовательной политики и управлению миграционными потоками. *Методология, методы и методики.* В исследовании использованы статистические данные Росстата о внутрироссийских миграционных потоках молодежи за 2019–2023 гг., а также итоги «Всероссийской переписи населения–2020». Методика основывается на расчете миграционного сальдо для возрастных групп абитуриентов (17–18 лет) и выпускников вузов (20–23 года), а также на вычислении коэффициента возврата для разработки типологии регионов: доноров, акцепторов, транзитных, балансовых и замкнутых. *Результаты.* Выявлены устойчивые региональные различия в образовательной миграции: 45 регионов России выступают донорами (теряют молодежь), 12 число регионов – акцепторами (привлекают абитуриентов), 21 регион имеет сбалансированное положение, 2 – транзитное, еще 5 территорий характеризуются низкой миграционной активностью (замкнутые), по четырем новым территориям данные отсутствуют. Предложены числовые критерии и разработана типология регионов России по образовательной миграции молодежи. *Научная новизна.* Создана оригинальная методика типологизации регионов на основе миграционного сальдо и коэффициента возврата, позволяющая учитывать специфику внутрироссийской миграции молодежи для оценки региональной образовательной политики. *Практическая значимость.* Результаты могут использоваться

органами государственного управления и вузами для корректировки образовательной политики, повышения привлекательности регионов и управления образовательными миграционными потоками молодежи.

Ключевые слова: образовательная миграция, миграционное сальдо, регионы-доноры, регионы-акцепторы, балансовые регионы, транзитные регионы, замкнутые регионы, коэффициент возврата, региональная образовательная политика, молодежь

Для цитирования: Ситковский А.М., Дождиков А.В. Внутрироссийская образовательная миграция молодежи: привлекательность регионов для получения высшего образования. *Образование и наука.* 2025;27(6):149–179. doi:10.17853/1994-5639-2025-6-149-179

Intra-Russian educational migration of youth: the attractiveness of regions for pursuing higher education

A.M. Sitkovskiy

Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba,
Moscow, Russian Federation.
E-mail: omnistat@yandex.ru

A.V. Dozhdikov

Federal Research Sociological Centre of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
E-mail: antonnn@yandex.ru

✉ omnistat@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* Intra-Russian educational migration among young people is significant due to the necessity for balanced spatial development within the educational system and the need to enhance the appeal of regional universities. The absence of an effective regional educational policy results in an uneven distribution of youth and the emergence of regional disparities in access to higher education. *Aim.* The aim of this study is to classify Russian regions based on the patterns of educational migration among young people. This classification seeks to formulate scientifically grounded recommendations for enhancing regional educational policies and managing migration flows effectively. *Methodology and research methods.* The study utilised statistical data from Rosstat regarding intra-Russian migration flows of young people from 2019 to 2023, along with the results of the 2020 All-Russian Population Census. The methodology is grounded in the calculation of the migration balance for specific age groups, including applicants aged 17 to 18 years and university graduates aged 20 to 23 years. Additionally, it involves the calculation of the return coefficient to develop a typology of regions categorised as donors, acceptors, transit, balanced, and closed. *Results.* Stable regional differences in educational migration have been identified: 45 regions in Russia serve as donors (losing youth), 12 regions are acceptors (attracting applicants), 21 regions maintain a balanced position, 2 regions are classified as transit, and an additional 5 territories exhibit low migration activity (closed). Data for 4 new territories is currently unavailable. Numerical criteria have been proposed, and a typology of Russian regions based on the educational migration of young people has been developed. *Scientific novelty.* An innovative methodology for classifying regions based on migration balance and return coefficient has been developed, taking into account the unique characteristics of internal youth migration in Russia to assess regional educational policy effectively. *Practical significance.* The results can be utilised by government agencies and universities to modify educational policies, enhance the appeal of various regions, and manage the educational migration patterns of young people.

Keywords: educational migration, migration balance, donor regions, acceptor regions, balanced regions, transit regions, closed regions, return coefficient, regional educational policy, youth

For citation: Sitkovskiy A.M., Dozhdikov A.V. Intra-Russian educational migration of youth: the attractiveness of regions for pursuing higher education. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2025;27(6):149–179. doi:10.17853/1994-5639-2025-6-149-179

Введение

Прибывающие потоки миграции молодежи всегда связаны с инновационным развитием регионов [1], которые получают в результате их увеличения дальнейшие конкурентные преимущества [2]. Зависимость между демографическими показателями рождаемости и миграцией молодежи носит и прямой и обратный характер: чем больше в регион приезжает молодежи, тем выше прирост населения и лучше другие демографические показатели, и наоборот, чем «моложе» регион, тем он притягательнее для молодежной миграции как образовательной, так и трудовой. Соответственно, по мнению В. Н. Ракачева, Е. В. Морозовой [3], политика развития региона должна учитывать не только прямые зависимости и наличие обратных связей между факторами, влияющими на демографическое развитие. Также необходимо учитывать явления второго-третьего порядка, такие как привлекательность ключевых вузов для абитуриентов из других территорий.

Т. Л. Клячко, Е. А. Семионова отмечают базовое современное условие для образовательной миграции: «миграционная мобильность российской молодежи обусловлена образовательными приоритетами», а приоритеты могут изменяться (с определенным временным лагом) в ответ на изменение экономических условий и обстоятельств, а также в связи с целенаправленными усилиями государства по изменению условий для обучения, из которых, наверное, самый важный предустановленный «гиперпараметр» – контрольные цифры приема в вузы [4]. Ошибки в настройке данного «гиперпараметра» приводят как к неэффективному использованию ресурсов системы высшего образования, так и к недостижению поставленных целевых показателей развития страны.

Важнейшей задачей анализа образовательной системы РФ и формирования демографической и миграционной политик является выявление роли субъектов РФ в перераспределении молодого населения, вызванного поступлением в вузы и последующей миграцией выпускников. Образовательная миграция характеризуется резкими изменениями миграционного сальдо в ключевых возрастных группах для большинства регионов: массовым оттоком абитуриентов в возрасте 17–18 лет и возвратным притоком или оттоком выпускников вузов в возрасте 20–23 года. В связи с этим актуально авторское исследование, связанное с разработкой основанной на числовых и расчетных критериях типологии регионов России по характеру образовательной миграции молодежи в части интенсивности потоков и привлекательности для получения высшего образования.

Разработанная типология позволяет выявить регионы-доноры, регионы-акцепторы, балансовые, транзитные и замкнутые территории, что необходимо для обоснования политики управления пространственным развитием и поддержки молодежи в условиях неоднородности российского образовательного пространства.

Обзор литературы

Вопросам исследований в области половозрастной и региональной дифференциации миграционных потоков в России и мире уделяется значительное внимание с учетом актуальности данной проблематики. Под образовательной миграцией понимается временное перемещение населения с целью получения образования, как правило – высшего. Необходимо отметить, что настоящее исследование является продолжением цикла работ под руководством А. В. Дождикова, посвященных как отдельным аспектам образовательной миграции [5], так и исследованиям образовательной миграции к конкретным субъектам РФ [6; 7].

Зарубежные исследования в области образовательной миграции в своем большинстве сосредоточены вокруг причин (факторов) образовательной миграции. Экономические различия между регионами играют решающую роль в образовательной миграции. Например, M. Zhao и Y. Hu установили, что межпровинциальная миграция с целью получения высшего образования часто обусловлена экономической выгодой, связанной с обучением в более благополучных регионах [8]. На эту миграцию, по мнению X. Ding, влияют структурные особенности образования и трудоустройства, а также китайская система регистрации домохозяйств («хукоу»), которая во многом определяет возможности дальнейшего трудоустройства [9]. Аналогичным образом B. Hvozdetka, N. Varha, N. Nikon, Z. Kocsis и K. Kovács отмечают, что в Центральной и Восточной Европе в экономически развитых странах, как правило, наблюдается более низкий уровень миграционного оттока среди молодежи, поскольку эти страны предлагают лучшие перспективы трудоустройства и качества жизни [10].

Однако привлекательность региона для получения высшего образования зависит не только от экономических факторов. Например, высшие учебные заведения с признанными качественными программами имеют больше возможностей для привлечения студентов из других стран, как это видно на примере США, пишут E. A. Barylа и D. Dotterweich [11]. В Норвегии сельские высшие учебные заведения ищут способы удержать местных талантливых студентов, изучая предпочтения потенциальных абитуриентов, поскольку выпускники часто остаются в регионах, где учились, влияя на формирование местного кадрового потенциала, отмечают T. S. Hanssen и T. A. Mathisen [12].

Зачастую образовательная миграция обусловлена невозможностью получить более высокий уровень образования в родной территории. В центральной Мексике стремление к получению более высокого уровня образования связано с более выраженными намерениями к переезду, особенно среди девушек, ко-

торые стремятся учиться за границей, как отмечают исследователи F. Francisco Marsiglia, S. Wu, B. L. Nuño-Gutiérrez, A. P. Campos и H. García [13]. В Швеции, по мнению O. Nygård, стремление к получению более высокого образования среди детей иммигрантов связано с миграционным статусом (возможностью дальнейшей легализации), а также соответствующими ожиданиями и материальными возможностями родителей [14].

Территориальные социально-экономические диспропорции влияют на доступ к высшему образованию не только в Российской Федерации. Например, исследователи J. Chesters и H. Cuervo отмечают, что в Австралии студенты из сельских и удаленных районов сталкиваются со значительными препятствиями при поступлении в университеты по сравнению со своими городскими сверстниками, несмотря на схожие академические достижения [15]. Кроме того, по этой же причине страны и регионы сталкиваются с трудностями в удержании молодых специалистов после окончания учебы. Многие студенты из развивающихся стран, которые учатся за границей, как правило, остаются в принимающей стране, что приводит к «утечке мозгов» из их родных стран, констатируют L. Xiaoyin и A. Abzhapparova [16]. Данные тенденции подчеркивают важность создания привлекательных возможностей трудоустройства и выравнивании межрегиональной дифференциации в качестве и условиях жизни для удержания выпускников в их родных регионах, утверждается в работе Š. Reháč и R. Eriksson [17].

После получения высшего образования выпускники часто переезжают в регионы с лучшими перспективами трудоустройства и качеством жизни. Например, C. Cui, Y. Wang и Q. Wang делают акцент на том, что в Китае выпускники лучших университетов, как правило, переезжают в крупнейшие города, несмотря на политику, направленную на их возвращение в родной город [18]. Похожая ситуация наблюдается и в Испании, где Мадрид является основным местом притяжения для выпускников из-за его возможностей для трудоустройства людей с высшим образованием, в то время как из периферийных регионов наблюдается отток населения, делают выводы S. Iammarino и E. Marinelli [19].

Предыдущий опыт миграции является важным фактором, определяющим будущую миграцию среди выпускников. Индивидуальные особенности и факторы, связанные с учебой, также играют роль, хотя их значение со временем уменьшается, как отмечают T. Haussen и S. Uebelmesser [20]. В Италии самозанятость более распространена среди тех, кто остается в своем регионе или возвращается в него, в то время как оплачиваемые должности привлекают тех, кто переезжает в новые регионы, пишут исследователи A. Meoli, R. Fini и M. Sobrero [21]. В Германии на решение выпускников о миграции влияют предыдущий опыт миграции и региональные особенности, при этом значительную роль в этих решениях играет смена работы, по оценке K. Horvath [22]. В Финляндии выпускники демонстрируют ограниченную мобильность, в основном переезжая в более крупные урбанизированные регионы, особенно в столицу, как от-

мечают N. Kotavaara, O. Kotavaara, J. Rusanen и T. Muilu [23]. В Великобритании миграция, связанная с университетами, приводит к концентрации выпускников в крупнейших городах, при этом некоторые субрегионы теряют как в количестве, так и в качестве выпускников, что создает проблемы для регионально-го развития, утверждают T. Champion, A. Green и K. Kollydas [24].

В зарубежных исследованиях часто встречаются факторы образовательной миграции, которые характеризуются как «вынужденные». Вынужденная миграция классифицируется по социальным и пространственным признакам, акцентируя внимание на ключевых проблемах человечества (война, голод, политическая нестабильность и т. д.), как отмечают E. A. López, L. G. Juárez, M. G. Veytia [25]. Факторы окружающей среды существенно влияют на миграционные процессы, особенно в регионах, уязвимых к изменению климата. «Экологическая миграция» преимущественно изучается в странах «Глобального Юга», где население более уязвимо к экологическим опасностям, делают выводы E. Piguet, R. Kaenzig и J. Guélat [26]. Типология «экологической миграции» определяется такими факторами, как социальная уязвимость, модели мобильности и политические меры реагирования на экологические угрозы, отмечают R. Kaenzig и E. Piguet [27].

Всего две актуальные и авторитетные зарубежные работы посвящены вопросу типологизации регионов (стран) по характеру образовательной миграции. Например, один из китайских исследователей разработал следующую типологию: «move-out» (переезд из менее развитого или периферийного региона в более развитый или центральный для получения высшего образования и последующего трудоустройства), «move-down» (переезд из более развитого региона в менее развитый, возможно, из-за ограниченных возможностей в исходном регионе или личных предпочтений), «move-up» (переезд внутри одного региона или города, но с повышением социально-экономического статуса, например, из сельской местности в городской центр) и «reentry» (возвращение в родной регион или город после получения образования или опыта работы в другом месте), как отмечает H. Du [28]. В работе ученых из Великобритании L. S. Davda, D. R. Radford, S. Scambler и J. E. Gallagher представлена типология стоматологов, получивших образование за рубежом и работающих на родине, основанная на их миграционных траекториях и степени профессиональной интеграции. Было выделено семь типов таких специалистов в зависимости от их происхождения, мотивации миграции, путей профессиональной интеграции и карьерных перспектив в стране прибытия [29].

Переходя к российским исследованиям образовательной миграции, следует отметить свежую совместную монографию Т. К. Ростовской, В. И. Скоробогатовой и Е. Н. Васильевой «Образовательная миграция в контексте геополитических вызовов» [30], обобщающую современные тренды и проблемы исследуемой проблематики. В работе образовательная миграция рассматривается как важный ресурс для демографического и социокультурного развития России в условиях глобальной турбулентности. Авторы монографии

подчеркивают, что привлечение иностранных студентов – один из наиболее предпочтительных видов миграции для принимающей страны, поскольку обеспечивает приток высококвалифицированного человеческого капитала и экономические выгоды, а выпускники-иностранцы становятся проводниками российских ценностей за рубежом. В первом разделе монографии акцент сделан на совершенствовании правового и институционального обеспечения академической мобильности, а также на преодолении цифрового неравенства и новых форматах интернационализации образования. Во втором разделе детально рассмотрен потенциал соотечественников из стран СНГ: предлагаются стратегии использования образования как инструмента «мягкой силы» для укрепления связей с русскоязычной диаспорой за рубежом. Ключевым выводом монографии заключается в том, что для успешного развития образовательной миграции России необходимо адаптироваться к новым геополитическим реалиям: обновлять законодательство, развивать международные партнерства вузов, внедрять цифровые технологии обучения и активно работать с молодежью русского зарубежья.

В работе И. С. Кашницкого, Н. В. Мкртчяна и О. В. Лешукова [31] рассматривается молодежная миграция с особым акцентом на образовательную миграцию, подчеркивается привлекательность ряда российских регионов для получения образования. Несмотря на то что международные и детские миграции в этом исследовании не затрагиваются, уделено внимание миграциям военнослужащих, что отражается в данных переписи населения. Вопрос половозрастных диспропорций в миграции остается актуальным на сегодняшний день ввиду обновления статистики и корректировки направлений и интенсивности миграции.

Более подробный анализ половозрастных аспектов миграции в российских регионах представлен в статьях Н. В. Мкртчяна [32] и А. А. Герасимова [33]. Данные работы акцентируют внимание на высокой миграционной активности женщин, стремящихся получить образование после 18 лет, а также на преобладании мужчин среди мигрантов в международной иммиграции с 2010-х годов. Также выделяется интересный феномен «псевдовозвратной» миграции, связанный с формальным завершением регистрации по месту учебы. В исследованиях отмечается проблема гендерной несбалансированности миграционных потоков, но также выявляется необходимость дальнейшего изучения половозрастных диспропорций в отдельных регионах.

В исследовании О. Д. Воробьевой с соавторами анализируются данные переписей населения за период с 1970 по 2010 годы [34]. В данной работе подчеркивается важность поддержки концентрации населения в крупных городах при очевидном запустении более удаленных территорий. В исследовании С. Ю. Сивоплясовой [35] приводятся данные о желании киргизской молодежи оставаться в своей стране при улучшении социально-экономических условий, что указывает на возможность сокращения миграционного оттока через инве-

стиции в экономику стран и регионов: такая же аналогия может быть применима к российским регионам – донорам образовательной миграции.

Н. Ю. Микрюков обращает внимание, что эмиграция в детском возрасте уже начинает изменять половую структуру населения, что, в свою очередь, оказывает влияние на гендерные соотношения в старших поколениях. Для большинства регионов характерен миграционный отток семей с детьми. Миграции, связанные с получением образования после 14 лет, чаще всего носят возвратный или «псевдовозвратный» характер [36].

В другой работе авторский коллектив, включающий Н. Ю. Микрюкова [37], приходит к выводу, что образовательные миграции отличаются собственной половозрастной спецификой регионального распределения, выделяются особенности периода миграций для получения среднего профессионального образования в возрасте 15–16 лет и для получения высшего – в возрасте 18–19 лет. Результатом интенсивной образовательной миграции становятся половозрастные диспропорции, которые приводят к сложностям в создании семейных пар, откладыванию вступления в брак, рождения детей, падению рождаемости и другим неблагоприятным для демографического потенциала последствиям.

Гендерные аспекты детской международной миграции из стран Средней Азии, по мнению С. Р. Касымовой, показывают, что мальчики и юноши участвуют в миграционных процессах в большей степени, в то время как девочки часто остаются дома и занимаются хозяйственными делами [38]. Это подчеркивает слабое изучение взаимосвязи половозрастных аспектов миграционных потоков и последующего демографического развития территории, что делает эту область актуальной для дальнейших исследований – в том числе с учетом национально-культурной специфики российских регионов (т. н. феномен «замкнутых» регионов). Перспективное направление исследований – взаимодействие внутренних потоков образовательной миграции российских абитуриентов и внешнего миграционного притока, в контексте поставленной задачи привлечения не менее 500 тысяч иностранных студентов в Российскую Федерацию.¹

Методология, материалы и методы

Среди множества подходов к анализу образовательной миграции с точки зрения выявления ее характера наиболее достоверным является анализ данных миграции молодежи (населения в возрастных группах, характеризующихся изменением образовательного статуса). В качестве исходных данных использованы официальные сведения Росстата о внутрироссийских миграционных потоках молодежи за 2019–2023 гг. с распределением по возрастам (15–

¹ См. подробнее: «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года», утвержденный Председателем Правительства РФ в 2025 году. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/ZsnF1CpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

35 лет).¹ Главный признак образовательной миграции – выраженные аномалии миграционного сальдо в возрастах около 18 лет (массовый выезд выпускников школ) и около 21 года (возвратная миграция выпускников вузов). Эти «пики» и «впадины» на графиках возрастного распределения миграции позволяют классифицировать регионы по характеру образовательной миграции.

Для каждого субъекта РФ рассчитано миграционное сальдо (под которым понимается разница между числом прибывших и числом выбывших) двух ключевых возрастных групп: 17–18 лет – ргоху-показатель оттока абитуриентов (выпускников школ) из региона, и 20–23 года – показатель возвратной миграции молодых специалистов (приезда или отъезда выпускников вузов). Обозначим через MC_{17-18} суммарное сальдо миграции 17–18-летних за период (положительное значение означает чистый приток в регион, отрицательное – отток), а через MC_{20-23} – аналогичное сальдо для 20–23-летних. Формально можно ввести коэффициент возврата $KB = \frac{MC_{20-23}}{-MC_{17-18}}$. На основе знака и относительной величины этих показателей разработаны числовые критерии типологии регионов:

- *Регион-донор*: MC_{17-18} существенно отрицательно (стабильный отток молодежи в 17–18 лет), при этом наблюдается характерный положительный «отскок» MC_{20-23} (пик возвратной миграции около 21 года). Иными словами, регион теряет значительное число выпускников школ, уезжающих на учебу, и частично получает приток молодых людей в ~21 год (например, за счет возвращения части выпускников). Для доноров $KB < 1$, что отражает неполную компенсацию оттока притоком выпускников.

- *Регион-акцептор*: MC_{17-18} положительно (выраженный приток иногородних абитуриентов в вузы региона), а MC_{20-23} отрицательно (значительный отток 20–23-летних из региона после окончания обучения). Т. е. регион принимает на учебу студентов из других территорий, о чем свидетельствует «пик» прибывающих 18-летних, а затем испытывает исход мигрантов в ~21–23 года (то ли возвращение выпускников домой, то ли их отъезд на работу в иные центры). Для акцепторов показатель $KB > 1$ (отток выпускников превышает приток абитуриентов), либо близок к 1 – в любом случае наблюдается «впадина» на графике в районе 21 года, отражающая утрату части ранее прибывших студентов.

Балансовый регион: отсутствуют выраженные пики/провалы в указанных возрастах, $MC_{17-18} \approx 0$ и $MC_{20-23} \approx 0$. Объем притока абитуриентов примерно соответствует объему оттока выпускников, т. е. входящие и исходящие потоки находятся в относительном равновесии. График миграционного сальдо по возрастам не имеет резких экстремумов на 18 и 21 годах. Подобное околонулевое сальдо может быть обусловлено тем, что регион не сильно вовлечен в межре-

¹ Обобщенные материалы федерального статистического наблюдения в отношении молодежной миграции 15–35-летних за 2017–2023 годы находятся в открытом доступе в репозитории Github.com. Режим доступа: https://github.com/AntonDozhdikov/AntonDozhdikov/blob/main/mig_15-35_2017_23.xlsx (дата обращения: 20.02.2025).

гиональную образовательную миграцию, либо притоки и оттоки молодежи уравниваются за счет встречных потоков.

Транзитный регион: регион, через который проходят значительные потоки образовательных мигрантов, направляющихся в другие регионы. Количественно это означает, что и MC_{17-18} , и MC_{20-23} существенно отличны от нуля (т. е. регион активно участвует в обмене студентами), но при этом признаки донора и акцептора проявляются одновременно. Соответственно, наблюдаются заметные значения MC_{17-18} и MC_{20-23} , при этом противоположного знака. На практике бывают два сценария: (1) регион привлекает часть абитуриентов (небольшое положительное MC_{17-18}), но теряет их после выпуска (большой отрицательный MC_{20-23}) – типичный пример; (2) наоборот, регион отправляет часть своих выпускников школ в другие места (умеренно отрицательное MC_{17-18}), но взамен получает приток молодых специалистов (положительное MC_{20-23}). В обоих случаях регион занимает промежуточное положение: он вовлечен в образовательную миграцию в обеих фазах, поэтому не может быть отнесен однозначно ни к «чистым» донорам, ни к акцепторам.

Замкнутый (автономный) регион: территория с традиционно низким уровнем как исходящей, так и входящей образовательной миграции. Соответственно, $MC_{17-18} \approx 0$, $MC_{20-23} \approx 0$ и низкая абсолютная интенсивность миграции. В таких регионах местные выпускники школ в основном остаются дома для получения образования, а приток студентов извне незначителен. К данной категории, как правило, относятся национальные республики, где молодежь менее мобильна и предпочитает локальные вузы либо вообще реже получает высшее образование. Миграционное сальдо 17–18 лет и 20–23 лет в «замкнутых» регионах близко к нулю, без выраженных пиков, однако в отличие от балансовых регионов это вызвано не компенсирующими потоками, а именно слабой интенсивностью миграции (мизерными притоками и оттоками).

Таким образом, алгоритм классификации сводится к сопоставлению знаков и относительной величины миграционного сальдо абитуриентов (MC_{17-18}) и выпускников (MC_{20-23}) по каждому региону. Для надежности анализа данные миграции по соответствующим возрастам агрегированы за 5 лет (2019–2023 гг.) – это сглаживает случайные флуктуации, связанные, например, с разницей в размерах выпусков школ по годам или временными ограничениями в связи пандемией COVID-19. Итоговая типология регионов была верифицирована визуально по графикам возрастного распределения сальдо миграции. Если на графике региона четко прослеживается «пик» на 18 год (будь то положительный или отрицательный) и противоположный по знаку пик на ~21 год, то такой регион имеет выраженный характер донора или акцептора соответственно. Отсутствие экстремумов на этих возрастах указывает на сбалансированный или слабо вовлеченный («замкнутый») регион. Смешанные конфигурации графика (двойные всплески разных знаков) характерны для транзитных территорий.

Результаты исследования

Анализ межрегиональной образовательной миграции по данным за 2019–2023 годы

С целью присвоения статусов субъектам РФ в соответствии с характером образовательной миграции, необходимо сначала проанализировать показатели миграционного сальдо. Прослеживаются характерные «пики» миграции в 17–18 лет (рис. 1) и «впадины» миграции в 20–23 года для выпускников (рис. 2). Проанализировав данные официальной статистики, мы можем выделить регионы, относящиеся к категории привлекательных и непривлекательных для миграции молодежи в данном возрасте. С целью представления картограмм миграционное сальдо за 2017–2023 гг. было нормализовано и представлено на рисунках 1 и 2 как доля (%) от численности населения субъекта РФ по итогам «Всероссийской переписи населения–2020», которая проводилась в 2021 году.¹

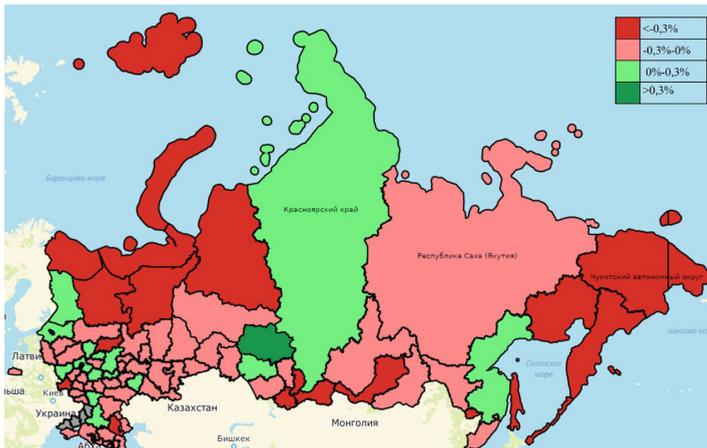

Рис. 1. Картограмма миграционного сальдо 17–18-летних за период 2019–2023 гг. в % от численности населения в 2021 г.²

Примечание. Миграционное сальдо за 2017–2023 гг. – доля (%) от численности населения субъекта РФ по итогам «Всероссийской переписи населения–2020», которая проводилась в 2021 году

Fig. 1. Cartogram of the migration balance of 17–18-year-olds for the period 2019–2023 as a % of the population in 2021

Note. Migration balance for 2017–2023 – share (%) of the population of a constituent entity of the Russian Federation according to the results of the 2020 All-Russian Population Census, which was conducted in 2021

¹Численность населения по итогам Всероссийской переписи населения на сайте Росстата. Режим доступа: <https://showdata.gks.ru/report/274878/> (дата обращения: 20.02.2025).

² Здесь и далее картограммы подготовлены авторами статьи с помощью программного продукта EverGIS и публикуются впервые. Более подробно с картами и исходными данными для их построения можно ознакомиться по ссылке: Образовательная миграция в субъектах РФ. Режим доступа: <https://evergis.ru/shared/omninstat.bo5bw7mc3twp/layers> (дата обращения: 20.02.2025).

В соответствии с рисунком 1 выделяются следующие группы субъектов РФ. Субъекты с устойчиво высоким оттоком абитуриентов, которые массово покидают регион после окончания школы ($< -0,3\%$ от численности населения). Характерные представители – индустриально-аграрные регионы и удаленные от центральной России субъекты: Брянская область, Кемеровская область (Кузбасс), Курганская область, Амурская область и ряд других субъектов Центральной России, Сибири и Дальнего Востока. Отрицательное сальдо здесь свидетельствует о существенных потерях молодежи, отправляющейся на учебу в крупные центры. К регионам с умеренным оттоком выпускников школ относятся Белгородская, Владимирская, Иркутская области, Хабаровский край и Республика Башкортостан. Здесь отток носит регулярный, но умеренный характер, указывая на то, что значительная часть молодежи все же предпочитает получать образование в своем или соседних регионах.

Регионы с умеренным притоком привлекают небольшое, но стабильное число абитуриентов из других регионов. Пример таких территорий – Ивановская область, Смоленская область, Рязанская область, Хабаровский край и ряд республик, например, Республика Мордовия. Сальдо здесь около нуля или чуть положительно, указывая на небольшие миграционные выигрыши за счет привлечения студентов в региональные учебные заведения. Регионы с выраженным притоком (сальдо более $+0,3\%$ от численности населения) – это наиболее крупные центры притяжения абитуриентов, которые значительно выигрывают от образовательной миграции. В абсолютном и относительном выражении лидерами являются Москва, Санкт-Петербург, Томская область, Новосибирская область, Ростовская область и ряд других территорий с мощными университетскими комплексами и широким выбором образовательных программ. Эти регионы становятся очевидными «магнитами» для молодых людей, поступающих в высшие учебные заведения.

Рис. 2. Картограмма миграционного сальдо 20–23-летних за период 2019–2023 гг. в % от численности населения в 2021 г.

Примечание. Миграционное сальдо за 2017–2023 гг. – доля (%) от численности населения субъекта РФ по итогам «Всероссийской переписи населения-2020», которая проводилась в 2021 году

Fig. 2. Cartogram of the migration balance of 20–23-year-olds for the period 2019–2023 as a % of the population in 2021

Note. Migration balance for 2017–2023 – share (%) of the population of a constituent entity of the Russian Federation according to the results of the 2020 All-Russian Population Census, which was conducted in 2021

На рисунке 2 представлена относительное миграционное сальдо для группы 20–23-летних. Регионы с выраженным оттоком (сальдо менее $-0,3\%$ от численности населения) в данной возрастной группе – это субъекты, массово теряющие молодых специалистов после окончания обучения. Ключевые представители этой группы – крупные образовательные центры, прежде всего Новосибирская область, Томская область, Воронежская область, г. Санкт-Петербург, г. Москва, Ростовская область. Очевидно, что это территории, ранее привлекавшие значительное число абитуриентов, но в дальнейшем сталкивающиеся с оттоком выпускников, возвращающихся на родину или уезжающих в другие регионы для дальнейшей работы или учебы. Регионы с умеренным оттоком, где количество покидающих субъект выпускников вузов заметно, но не критично велико. Например, Нижегородская, Самарская области и Республика Северная Осетия – Алания. Здесь отток выпускников частично компенсируется небольшими встречными потоками.

Регионы с умеренным, частично компенсирующие отток молодежи за счет возвращения ранее уехавших на учебу или привлечения молодых специалистов из других субъектов. Примеры – Архангельская, Тульская, Тверская области и некоторые другие регионы Центральной России и Северо-Запада.

Регионы с выраженным притоком (сальдо миграции более +0,3 % от численности населения) значительно выигрывают от возвратной миграции или привлечения молодых специалистов извне. Яркий пример – Московская область, Ленинградская область, Калининградская область и Краснодарский край. В этих регионах высокий приток молодых кадров в возрасте 20–23 года часто обусловлен привлекательностью местного рынка труда, комфортными условиями жизни, близостью к крупным агломерациям и общей экономической привлекательностью.

Анализ данных миграционного сальдо позволяет сказать, что в части субъектов РФ наблюдается интенсивная возвратная (или «псевдовозвратная») образовательная миграция, но не во всех, что обуславливает необходимость дальнейшей классификации.

Типология регионов по характеру образовательной миграции

На основе данных о миграционном сальдо, предложенных числовых критериев и коэффициента возврата (КВ) все субъекты РФ были разделены на пять категорий: «доноры», «акцепторы», «балансовые», «транзитные» и «замкнутые» регионы. В таблице 1 представлены основания и результаты классификации. Далее дается характеристика каждой категории с указанием примеров регионов и их показателей миграционного сальдо.

Таблица 1

Типология субъектов РФ по характеру образовательной миграции, на основе данных миграционного сальдо за 2019–2023 гг. в 17–18-летних и 20–23-летних возрастных группах

Table 1

Typology of subjects of the Russian Federation by roles in educational migration, based on migration balance data for 2019–2023 in the 17–18-year-old and 20–23-year-old age groups

Субъект РФ / Russian region	MC ₁₇₋₁₈	MC ₂₀₋₂₃	КВ / Return Rate	Характер / Status	Субъект РФ / Russian region	MC ₁₇₋₁₈	MC ₂₀₋₂₃	КВ / Return Rate	Характер / Status
Алтайский край / Altai Krai	-2420	1536	0,63	Донор / Donor	Пермский край / Perm Krai	-141	-1965	-13,94	Балан- совый / Balanced
Амурская область / Amur Oblast	-1098	1229	1,12	Донор / Donor	Приморский край / Primorsky Krai	-2296	3339	1,45	Донор / Donor
Архангель- ская область / Arkhangelsk Oblast	-2956	3914	1,32	Донор / Donor	Псковская об- ласть / Pskov Oblast	-1026	2204	2,15	Донор / Donor
Астраханская об- ласть / Astrakhan Oblast	-1847	501	0,27	Донор / Donor	Республика Адыгея / Repub- lic of Adygea	-382	1213	3,18	Замкну- тый / Closed
Белгородская область / Belgorod Oblast	-592	27	0,05	Донор / Donor	Республика Алтай / Altai Republic	-1057	1215	1,15	Донор / Donor

Брянская область / <i>Bryansk Oblast</i>	-4018	3167	0,79	Донор / <i>Donor</i>	Республика Башкортостан / <i>Republic of Bashkortostan</i>	-2420	1546	0,64	Донор / <i>Donor</i>
Владимирская область / <i>Vladimir Oblast</i>	-1841	528	0,29	Донор / <i>Donor</i>	Республика Бурятия / <i>Republic of Buryatia</i>	-3419	3257	0,95	Донор / <i>Donor</i>
Волгоградская область / <i>Volgograd Oblast</i>	-379	-244	-0,64	Балансовый / <i>Balanced</i>	Республика Дагестан / <i>Republic of Dagestan</i>	-2270	-1019	-0,45	Замкнутый / <i>Closed</i>
Вологодская область / <i>Vologda Oblast</i>	-2490	1766	0,71	Донор / <i>Donor</i>	Республика Ингушетия / <i>Republic of Ingushetia</i>	-78	1283	16,45	Замкнутый / <i>Closed</i>
Воронежская область / <i>Voronezh Oblast</i>	5016	-8745	1,74	Акцептор / <i>Acceptor</i>	Республика Калмыкия / <i>Republic of Kalmykia</i>	-906	849	0,94	Донор / <i>Donor</i>
г. Москва / <i>Moscow</i>	36513	-37048	1,01	Акцептор / <i>Acceptor</i>	Республика Карелия / <i>Republic of Karelia</i>	23	390	-16,96	Балансовый / <i>Balanced</i>
г. Санкт-Петербург / <i>Saint Petersburg</i>	35108	-43215	1,23	Акцептор / <i>Acceptor</i>	Республика Коми / <i>Republic of Komi</i>	-3231	1014	0,31	Донор / <i>Donor</i>
г. Севастополь / <i>Sevastopol</i>	1540	916	-0,59	Балансовый / <i>Balanced</i>	Республика Крым / <i>Republic of Crimea</i>	-1804	3544	1,96	Балансовый / <i>Balanced</i>
Донецкая Народная Республика / <i>Donetsk People's Republic</i>	-	-	-	Нет данных / <i>No data</i>	Республика Марий Эл / <i>Republic of Mari El</i>	-125	313	2,50	Донор / <i>Donor</i>
Еврейская автономная область / <i>Jewish Autonomous Oblast</i>	-616	499	0,81	Балансовый / <i>Balanced</i>	Республика Мордовия / <i>Republic of Mordovia</i>	623	-2210	3,55	Транзитный / <i>Transit</i>
Забайкальский край / <i>Zabaykalsky Krai</i>	-1749	1568	0,90	Балансовый / <i>Balanced</i>	Республика Саха (Якутия) / <i>Republic of Sakha (Yakutia)</i>	-2676	3201	1,20	Донор / <i>Donor</i>
Запорожская область / <i>Zaporizhzhia Oblast</i>	-	-	-	Нет данных / <i>No data</i>	Республика Северная Осетия–Алания / <i>Republic of North Ossetia–Alania</i>	-1140	-313	-0,27	Донор / <i>Donor</i>
Ивановская область / <i>Ivanovo Oblast</i>	471	-40	0,08	Акцептор / <i>Acceptor</i>	Республика Татарстан / <i>Republic of Tatarstan</i>	-1611	3494	2,17	Акцептор / <i>Acceptor</i>
Иркутская область / <i>Irkutsk Oblast</i>	-3970	525	0,13	Донор / <i>Donor</i>	Республика Тыва / <i>Republic of Tuva</i>	-2143	2723	1,27	Донор / <i>Donor</i>
Кабардино-Балкарская Республика / <i>Kabardino-Balkar Republic</i>	-1057	740	0,70	Донор / <i>Donor</i>	Республика Хакасия / <i>Republic of Khakassia</i>	-2354	2083	0,88	Донор / <i>Donor</i>

Калининградская область / <i>Kaliningrad Oblast</i>	-259	3737	14,43	Транзитный / <i>Transit</i>	Ростовская область / <i>Rostov Oblast</i>	5746	-7044	1,23	Акцептор / <i>Acceptor</i>
Калужская область / <i>Kaluga Oblast</i>	-344	2627	7,64	Балансовый / <i>Balanced</i>	Рязанская область / <i>Ryazan Oblast</i>	1309	-1529	1,17	Балансовый / <i>Balanced</i>
Камчатский край / <i>Kamchatka Krai</i>	-890	2687	3,02	Балансовый / <i>Balanced</i>	Самарская область / <i>Samara Oblast</i>	915	-720	0,79	Балансовый / <i>Balanced</i>
Карачаево-Черкесская Республика / <i>Karachay-Cherkess Republic</i>	-387	192	0,50	Замкнутый / <i>Closed</i>	Саратовская область / <i>Saratov Oblast</i>	-761	-1068	-1,40	Балансовый / <i>Balanced</i>
Кемеровская область / <i>Kemerovo Oblast</i>	-5807	5127	0,88	Донор / <i>Donor</i>	Сахалинская область / <i>Sakhalin Oblast</i>	-1446	1550	1,07	Донор / <i>Donor</i>
Кировская область / <i>Kirov Oblast</i>	-1117	1204	1,08	Балансовый / <i>Balanced</i>	Свердловская область / <i>Sverdlovsk Oblast</i>	-1883	-1293	-0,69	Донор / <i>Donor</i>
Костромская область / <i>Kostroma Oblast</i>	-2410	1499	0,62	Донор / <i>Donor</i>	Смоленская область / <i>Smolensk Oblast</i>	1280	-835	0,65	Балансовый / <i>Balanced</i>
Краснодарский край / <i>Krasnodar Krai</i>	-8038	10455	1,30	Донор / <i>Donor</i>	Ставропольский край / <i>Stavropol Krai</i>	-2876	3882	1,35	Донор / <i>Donor</i>
Красноярский край / <i>Krasnoyarsk Krai</i>	2747	-2758	1,00	Акцептор / <i>Acceptor</i>	Тамбовская область / <i>Tambov Oblast</i>	-1551	701	0,45	Донор / <i>Donor</i>
Курганская область / <i>Kurgan Oblast</i>	-1905	706	0,37	Донор / <i>Donor</i>	Тверская область / <i>Tver Oblast</i>	-1589	2414	1,52	Балансовый / <i>Balanced</i>
Курская область / <i>Kursk Oblast</i>	-718	310	0,43	Балансовый / <i>Balanced</i>	Томская область / <i>Tomsk Oblast</i>	8666	-9982	1,15	Акцептор / <i>Acceptor</i>
Ленинградская область / <i>Leningrad Oblast</i>	2578	12000	-4,65	Акцептор / <i>Acceptor</i>	Тульская область / <i>Tula Oblast</i>	-1324	2103	1,59	Донор / <i>Donor</i>
Липецкая область / <i>Lipetsk Oblast</i>	-2948	2349	0,80	Донор / <i>Donor</i>	Тюменская область / <i>Tyumen Oblast</i>	-233	-131	-0,56	Балансовый / <i>Balanced</i>
Луганская Народная Республика / <i>Luhansk People's Republic</i>	-	-	-	Нет данных / <i>No data</i>	Удмуртская Республика / <i>Udmurt Republic</i>	-1670	1541	0,92	Донор / <i>Donor</i>
Магаданская область / <i>Magadan Oblast</i>	-421	362	0,86	Донор / <i>Donor</i>	Ульяновская область / <i>Ulyanovsk Oblast</i>	-933	-810	-0,87	Донор / <i>Donor</i>
Московская область / <i>Moscow Oblast</i>	4277	21688	-5,07	Акцептор / <i>Acceptor</i>	Хабаровский край / <i>Khabarovsk Krai</i>	1309	-1694	1,29	Балансовый / <i>Balanced</i>

Мурманская область / <i>Murmansk Oblast</i>	-3354	6441	1,92	Донор / <i>Donor</i>	Ханты-мансийский автономный округ – Югра / <i>Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra</i>	-1101	2563	2,33	Донор / <i>Donor</i>
Ненецкий автономный округ / <i>Nenets Autonomous Okrug</i>	-141	173	1,23	Донор / <i>Donor</i>	Херсонская область / <i>Kherson Oblast</i>	-	-	-	Нет данных / <i>No data</i>
Нижегородская область / <i>Nizhny Novgorod Oblast</i>	2602	-744	0,29	Акцептор / <i>Acceptor</i>	Челябинская область / <i>Chelyabinsk Oblast</i>	-988	-1195	-1,21	Донор / <i>Donor</i>
Новгородская область / <i>Novgorod Oblast</i>	-725	928	1,28	Балансовый / <i>Balanced</i>	Чеченская Республика / <i>Chechen Republic</i>	-401	-553	-1,38	Замкнутый / <i>Closed</i>
Новосибирская область / <i>Novosibirsk Oblast</i>	2810	-8003	2,85	Балансовый / <i>Balanced</i>	Чувашская Республика / <i>Chuvash Republic</i>	-1395	765	0,55	Донор / <i>Donor</i>
Омская область / <i>Omsk Oblast</i>	-887	-3781	-4,26	Балансовый / <i>Balanced</i>	Чукотский автономный округ / <i>Chukotka Autonomous Okrug</i>	-355	343	0,97	Донор / <i>Donor</i>
Оренбургская область / <i>Orenburg Oblast</i>	-3877	1096	0,28	Донор / <i>Donor</i>	Ямало-Ненецкий автономный округ / <i>Yamalo-Nenets Autonomous Okrug</i>	-2134	2826	1,32	Донор / <i>Donor</i>
Орловская область / <i>Oryol Oblast</i>	-268	-1612	-6,01	Донор / <i>Donor</i>	Ярославская область / <i>Yaroslavl Oblast</i>	2630	-2944	1,12	Акцептор / <i>Acceptor</i>
Пензенская область / <i>Penza Oblast</i>	-1488	-89	-0,06	Донор / <i>Donor</i>					

Регионы-доноры. К этой группе относятся преимущественно области и республики, не имеющие крупных вузов федерального значения. Здесь ежегодно фиксируется устойчивый отток 18-летней молодежи, которую не удается удержать местным вузам. Например, для Кемеровской области суммарное миграционное сальдо 17–18-летних за 2019–2023 гг. составило -5,8 тыс. человек, что эквивалентно массовому отъезду выпускников школ (рис. 3 – слева). Одновременно регионы-доноры часто демонстрируют положительное сальдо в возрастах 20–23 года, связанное с возвращением части молодежи по окончании учебы или привлечением молодых специалистов из других регионов. Для Кузбасса этот «возвратный» приток составил +5,1 тыс. чел. за 2019–2023 гг., что лишь частично компенсирует исходящий поток абитуриентов (коэффициент возврата $K_{\text{В}} \approx 0,88$). На рисунке 3 представлена характерная кривая миграционного

сальдо по возрастам для региона-донора. Отмечается резкий отрицательный пик на 18 лет (отток ~4,7 тыс. чел.) и последующий положительный всплеск на 21 год (приток ~3,8 тыс. чел.), что типично для региона-донора. В более старших возрастах сальдо вновь стабилизируется около нуля. Этот график свидетельствует, что Кузбасс регулярно «теряет» часть молодежи после школы и лишь частично возвращает ее после получения образования.

В совокупности к регионам-донорам можно отнести около 45 субъектов РФ (табл. 1). Среди них – многие индустриально-аграрные области Центральной России (например, Брянская, Оренбургская, Кировская, Чувашия и др.), некоторые регионы Сибири и Дальнего Востока (Забайкальский край, Бурятия, Алтайский край, Амурская обл. и др.), а также большая часть республик Северного Кавказа (за исключением СКФО-республик с крайне низкой мобильностью, см. «замкнутые» регионы далее). Донорский статус характерен для демографически периферийных территорий, из которых молодежь уезжает в крупные центры, что ведет к «утечке умов» и усилению диспропорций в расселении. Необходимо отметить, что доноры не являются «потерянными» территориями – практически во всех отмечается пик возвращения 21-летних, означающий, что часть инвестиций в человеческий капитал возвращается назад. Задача региональной политики – увеличить эту возвратность (КВ) и постепенно превратить чистый отток в сбалансированный обмен молодежью.

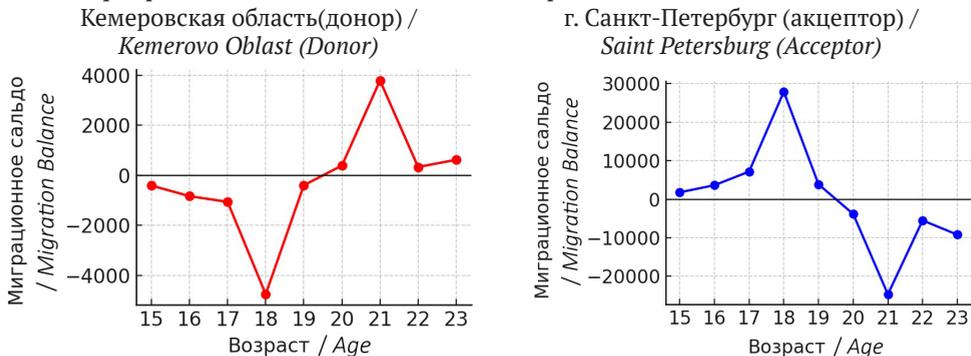

Рис. 3. Примеры миграционного сальдо молодежи (15–23 года) в регионе-доноре (Кемеровская область) и регионе-акцепторе (г. Санкт-Петербург), (чел., суммарно за 2019–2023 гг.)

Fig. 3. Examples of the migration balance of youth (15–23 years old) in the donor region (Kemerovo Region) and the acceptor region (St. Petersburg), (people, total for 2019–2023)

Регионы-акцепторы. В эту группу входят ведущие образовательные центры страны – регионы, которые привлекают на учебу значительное число иногородних абитуриентов. В результате в 17–18 лет у них фиксируется резкий положительный миграционный прирост, а доля местных выпускников школ среди студентов относительно невелика. Классические примеры – города Мо-

сква и Санкт-Петербург, а также крупные университетские агломерации: Новосибирская, Томская, Нижегородская, Ростовская, Тюменская области, Республика Татарстан и др. Для акцепторов характерна обратная сторона медали: спустя 4–5 лет тот приток студентов, который они получили, во многом покидает регион (кто-то возвращается домой, кто-то уезжает за карьерными возможностями в другие центры). Поэтому на графиках акцепторов наблюдается глубокая «впадина» сальдо в 21–23-летней возрастной группе – значительный чистый отток молодежи после выпуска. При этом часть приехавших остается на работе или в магистратуре, а также многие местные уроженцы благодаря сильной экономике не покидают регион, поэтому акцептор, как правило, продолжает выигрывать от образовательной миграции (суммарный баланс может быть положительным или около нуля).

Правая часть рисунка 3 иллюстрирует типичную динамику для региона-акцептора на примере Санкт-Петербурга. Видно, что в 18 лет город получил приток порядка +27,9 тыс. человек – молодежи со всей России, поступившей в петербургские вузы. Однако уже к 21 году миграционное сальдо стало отрицательным (-24,7 тыс. чел.), что отражает отъезд значительной части выпускников из региона. В последующие 1–2 года исход мигрантов продолжается (отрицательное сальдо сохраняется до 23 лет). Несмотря на эти потери, статус Петербурга как магнита для абитуриентов остается неизменным – суммарно за 2019–2023 гг. регион привлек около 35 тыс. студентов (табл. 1). Ключевым показателем здесь служит именно пик притока 18-летних – ни один другой регион (кроме Москвы) не демонстрирует такого масштаба миграционного выигрыша в этой возрастной группе. На рисунке 3 отчетливо видно, что график региона-акцептора противоположен донорскому: на 18-летнем возрасте заметен высокий положительный пик (приток абитуриентов), а на 21–22 годах – глубокое отрицательное сальдо (отток выпускников из города). Такая конфигурация кривой характерна для региона-акцептора – крупного образовательного центра, притягивающего молодежь на учебу и «выпускающего» значительную ее часть после получения дипломов.

По итогам анализа насчитывается 12 акцепторных территорий (см. табл. 1 и распределение на рис. 4): два столичных города, 9 областей с сильными университетскими центрами (в Центральной России, Поволжье, Сибири) и 1 республика. Эти регионы отличаются самым высоким миграционным притяжением молодежи: суммарно на них приходится большая часть всех межрегиональных образовательных мигрантов страны. Например, только Москва и Санкт-Петербург совместно в 2019–2023 гг. привлекли свыше 70 тыс. 17–18-летних (чистый приток), тогда как все прочие акцепторы – около 40 тыс. Совокупный отрицательный отток выпускников из акцепторов оценивается примерно в 100 тыс. чел., что указывает на значительные перераспределения молодого населения в пользу данных центров. При этом акцепторы выигрывают «битву за умы»: даже с учетом последующего отъезда выпускников, они удерживают у себя часть приехавших студентов, тем самым пополняя собственный человеческий капитал и молодую рабочую силу.

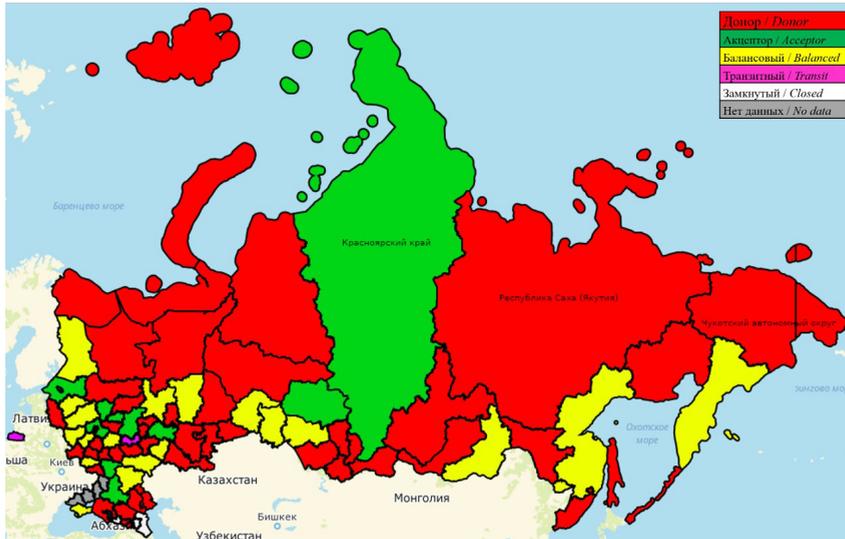

Рис. 4. Карта классификации характеров образовательной миграции субъектов РФ

Fig. 4. Map of classification of educational migration patterns of the subjects of the Russian Federation

Балансовые регионы. Данная категория объединяет субъекты РФ, в которых выезд местных выпускников школ компенсируется притоком приезжих студентов либо же миграционные потоки молодежи вовсе незначительны и не создают тенденции. Численно балансовые регионы определялись как имеющие вблизи 0 (например, от -100 до +100 чел. в год) и малое значение коэффициента возврата (приток выпускников почти равен оттоку абитуриентов). На практике сюда попали две группы территорий: (1) относительно крупные регионы, сумевшие удержать существенную часть своих абитуриентов и одновременно привлечь некоторое количество студентов извне – в результате их сальдо миграции 18-летних минимально, а возвратная миграция 20–23-летних уравнивает оставшийся дисбаланс. Пример – Саратовская область, где в 2019–2023 гг. чистый отток 17–18-летних составил всего ≈ 760 человек, а последующий приток 20–23-летних ≈ 540 человек, в итоге суммарный баланс практически нулевой. На графике для такого региона (который не приводится в статье) отсутствуют резкие пики на 18 и 21 годах – кривая относительно плавная. (2) Сравнительно малые регионы с низкой вовлеченностью в образовательные миграции: они отправляют мало студентов наружу и принимают мало внутрь. По сути, это «замкнутые» территории, но с той разницей, что небольшие притоки и оттоки все же взаимно уравновешены. Например, Еврейская автономная область классифицирована как балансовая: ее миграционное

сальдо 17–18-летних -78 чел., а 20–23-летних +60 чел., то есть потери молодых кадров практически возмещаются притоком из других мест.

Число балансовых территорий по итогам анализа составило 21 (табл. 1). Географически балансовые регионы довольно разнообразны – от относительно экономически-развитых (Пермский край, Рязанская обл., Республика Крым) до нуждающихся в экономическом развитии (Тамбовская, Курганская обл.). Общим для них является отсутствие резко выраженной роли в межрегиональной миграции студентов: они не выступают крупными «поставщиками» молодежи, но и сами не особенно выигрывают от притока студентов извне. Тем не менее, баланс можно считать шагом вперед для тех, кто пришел к нему из региона-донора.

Транзитные регионы. Эта категория в чистом виде представлена редко: явными транзитами можно назвать только 2 субъекта РФ – Мордовию и Калининградскую область (табл. 1). Как отмечалось в методике, транзитный статус отражает промежуточную роль: регион вовлечен в образовательную миграцию, но пока не является конечной точкой притяжения. Например, Республика Мордовия сумела привлечь в свои университеты некоторое число абитуриентов из соседних областей (+623 чел. сальдо 17–18 лет), однако после выпуска большинство приезжих и местных молодых специалистов уезжают дальше – в результате в 20–23 года фиксируется чистый отток 2210 человек. По суммарному миграционному балансу Мордовия теряет молодежь, как и доноры, но по характеру потоков (есть значимый приток на обучение) она ближе к акцепторам. Калининградская область, напротив, традиционно отправляет часть своих выпускников школ на учебу в центральные вузы России (-259 чел. по группе 17–18 лет), однако к 23 годам наблюдается существенный приток молодежи (+3737 чел.), что связано с возвращением на родину получивших образование калининградцев, а также с привлечением выпускников других регионов на работу в Калининграде. В обоих случаях регион выполняет роль «перевалочного пункта»: отправляет одних мигрантов и принимает других, частично заполняя «вакуум» ушедших за счет притока извне.

Следует отметить, что разграничение транзитного статуса на практике затруднено – он часто носит временный характер, являясь переходной стадией для донора, начинающего привлекать студентов, или для акцептора, теряющего свой потенциал удержания молодежи. В перспективе при сохранении тренда Мордовия может стать акцептором. Калининград, обладая высокой общей привлекательностью, вероятно стремится из транзита выйти сразу в акцепторы (миновав донорство) – уже сейчас область имеет положительный суммарный приток молодежи. Для подтверждения статуса транзитных регионов, впрочем, требуются дополнительные исследования и отслеживание индивидуальных траекторий мигрантов (чего не видно в агрегированной статистике).

Замкнутые регионы. В эту условную группу включены несколько республик Северного Кавказа (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Адыгея), отличающиеся крайне низкой интенсивностью выездов учащейся молодежи

за пределы родного региона. Их отличает минимальная вовлеченность в межрегиональную мобильность: с одной стороны, сравнительно небольшая доля выпускников школ уезжает получать образование в другие регионы; с другой – сами эти регионы практически не привлекают иногородних студентов (ввиду специфики местных условий, возможно недостаточного предложения образовательных программ, языкового, культурного барьера и т. п.). Чистое сальдо миграции 17–18-летних здесь невелико – например, по Чеченской Республике за 2017–2023 гг. суммарный отток 17–18-летних составил всего ≈ 400 человек (табл. 1), что на порядок ниже, чем у типичных доноров. Небольшим остается и возвратный приток (в том же примере $\approx +550$ чел. в 20–23 года). И данный факт является достаточно тревожным: регионы не только выпадают из общего образовательного пространства Российской Федерации, но и имеют риск архаизации социально-политических и экономических процессов, подверженности местной молодежи влиянию со стороны иностранных политических акторов.

Графики миграции по возрастам для замкнутых регионов не демонстрируют резких скачков – кривые относительно пологие, без выраженных максимумов или минимумов. По форме они похожи на балансовые территории, однако ключевое отличие – общая слабость миграционных потоков (значения сальдо близки к нулю не вследствие равновесия притоков/оттоков, а вследствие их малости). Поэтому для целей нашей типологии мы рассматриваем такие регионы отдельно, хотя их также можно было бы причислить к балансовым из-за формального отсутствия перекоса. Важно подчеркнуть, что замкнутость не эквивалентна благополучию: скорее, напротив, низкая мобильность молодежи может означать недостаточную интеграцию в общероссийское образовательное пространство и сдержанные возможности уехать на учебу (финансовые, языковые и т. д.). Такие регионы требуют иных мер политики – развития внутренней образовательной системы, повышения интеграции местных вузов и одновременно содействия академической мобильности, чтобы лучшие выпускники школ не чувствовали себя «замкнутыми» в пределах одного субъекта.

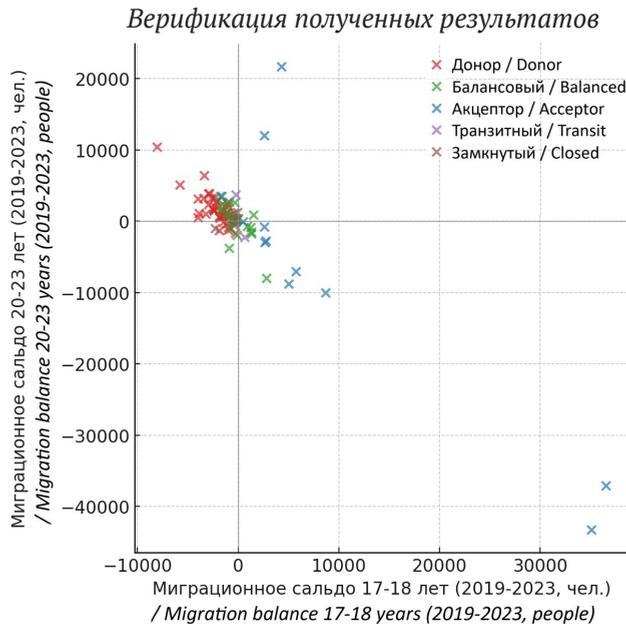

Рис. 5. Распределение субъектов РФ по типам участия в образовательной миграции: верификация методики с помощью точечной диаграммы миграционного сальдо, 2019–2023 гг., чел.

Fig. 5. Distribution of subjects of the Russian Federation by types of participation in educational migration: verification of the methodology using a scatter diagram of the migration balance, 2019–2023, people

Для обобщения результатов на рисунке 5 представлена точечная диаграмма, отражающая распределение субъектов РФ по их статусам в системе образовательной миграции. Координаты точек представляют миграционное сальдо: по оси X – MC_{17-18} , по оси Y – MC_{20-23} (суммарно 2019–2023 гг.). Видно, что доноры (красные метки) группируются в левом полупространстве (отрицательное MC_{17-18}), акцепторы (синие) – в нижнем (отрицательное MC_{20-23}), балансовые (зеленые) сосредоточены возле начала координат, а транзитные (фиолетовые) расположены в квадрантах с разнонаправленными X и Y. Такой разброс подтверждает обоснованность выбранных критериев классификации регионов.

Видно четкое доминирование регионов-доноров (большинство окрашены в красный цвет) и ярко выраженные полюса притяжения – регионы-акцепторы, сосредоточенные вокруг двух образовательных столиц (Москва и Санкт-Петербург) и отдельных крупных городов. Балансовые территории занимают промежуточное положение на карте – они рассеяны по стране и часто граничат с крупными центрами или, наоборот, нуждающимися в развитии областями, выполняя роль «буфера». Транзитные регионы единичны.

Обсуждение

В ходе исследования выполнена типологизация российских регионов по характеру внутрироссийской межрегиональной образовательной миграции молодежи на основе статистики миграционных потоков 17–18-летних, признаваемых «абитуриентами» и 20–23-летних, признаваемых «выпускниками вузов». Предложены формальные числовые критерии для отнесения субъекта РФ к одной из категорий: регион-донор (чистый экспортер студентов), регион-акцептор (импортер студентов), балансый регион (потоки примерно равны), транзитный регион (промежуточный обмен) и замкнутый регион (слабая внешняя мобильность). Критерии опираются на знак и величину миграционного сальдо в ключевых возрастах, что непосредственно отражает наличие или отсутствие характерных «пиков» на графике миграции населения по возрастам.

Благодаря использованию агрегированных данных 2019–2023 гг. удалось сгладить разовые флуктуации и выявить устойчивые миграционные паттерны для каждого субъекта РФ. Результаты показали, что большинство регионов России (45) продолжают выступать донорами образовательной миграции – они теряют значительную часть своих талантливых выпускников, которые уезжают получать образование в другие субъекты. Только 12 регионов-акцепторов стабильно выигрывают от межрегионального перетока студентов, привлекая молодежь со всей страны.

Полученная типология имеет важное прикладное значение. Она позволяет объективно оценивать эффективность действий органов государственного управления по закреплению молодежи и развитию региональных вузов. Изменение статуса региона во времени – переход из доноров в баланс или транзит, а затем в акцепторы – служит интегральным показателем успеха региональной образовательной политики. Например, увеличение контрольных цифр приема и создание опорных университетов в регионах-донорах может способствовать тому, чтобы часть абитуриентов оставалась учиться в родном субъекте РФ, а некоторые региональные университетские центры начнут притягивать студентов из соседних областей.

Так, если за несколько лет регион-донор переместится в группу транзитных или балансowych, можно говорить о прогрессе (при прочих равных демографических условиях). В стратегическом плане типология подсказывает, что усилия регионов-доноров и их вузов должны быть направлены сперва на достижение транзитного статуса, а затем – на дальнейший переход в категорию акцепторов. Это подразумевает комплекс мер: от повышения качества и разнообразия образовательных программ до улучшения условий трудоустройства молодых специалистов на местном рынке, чтобы выпускники вузов возвращались домой. Для регионов-акцепторов важной задачей является удержание той молодежи, которая к ним приехала – сокращение масштабов оттока выпускников путем создания новых рабочих мест, развития поствузовских ка-

рьерных траекторий в данном регионе и т. д. Балансовые регионы следует рассматривать как резерв: при целенаправленной поддержке они способны стать новыми точками притяжения. Что касается замкнутых территорий, для них требуется отдельный подход, ориентированный скорее на повышение вовлеченности молодежи во внешние связи (академические обмены, программы поддержки обучения вне региона) наряду с укреплением местных образовательных институтов.

Заключение

Настоящее исследование продемонстрировало информативность возраст-но-специфических миграционных данных для мониторинга образовательных миграций. Разработанные числовые критерии классификации регионов могут применяться для регулярной оценки ситуации и эффективности принимаемых мер. Однако следует учитывать ограничения официальной статистики: неполный учет (не все студенты регистрируются по месту пребывания) и невозможность проследить индивидуальные траектории (когда студент учится в одном регионе, а затем работает в другом, данные разрознены по разным возрастам). Поэтому для дальнейшего исследования авторы считают перспективным привлечение альтернативных источников – данных приемных кампаний вузов, «цифровых следов» абитуриентов и выпускников и т. п. Это позволит более точно идентифицировать реальные миграционные цепочки и отнести регионы к типам с учетом не только внутренних, но и международных образовательных миграций, а также качественных аспектов (например, успеваемости и трудоустройства). Тем не менее, уже полученные результаты дают цельную картину межрегиональных перетоков молодежи в России и могут быть использованы для совершенствования региональной демографической политики и развития сети вузов, чтобы сбалансировать образовательные потоки и снизить чрезмерную концентрацию человеческого капитала в доминирующих центрах.

Дальнейшее направление исследования по данной тематике предполагает выход за рамки «внутреннего контура» миграционных процессов российской образовательной миграции, учет влияния межгосударственной образовательной миграции, оценку потоков прибывающей и исходящей миграции. Исследование получит прикладной экономический аспект (для разработки и реализации маркетинговых планов российских вузов по привлечению новых абитуриентов из других стран) и социально-политическое значение – в контексте определения точек приложения и расстановки акцентов политики «мягкой силы» и культурно-гуманитарного влияния по линии Россотрудничества, Росконгресса, Министерства иностранных дел, Министерства культуры и других органов исполнительной власти Российской Федерации и уполномоченных подведомственных организаций. Теоретическое развитие исследования предполагает создание прогностических моделей внутренней и внешней образовательной миграции, основанных на применении глубоких нейросетей,

инструментов машинного обучения (включая обучение с подкреплением для нестационарных нелинейных процессов).

Список использованных источников

1. Апенько С.Н., Лукаш А.В. Инновационное развитие регионов и внутренняя миграция в России. *E-Management*. 2023;6(1):81–94. doi:10.26425/2658-3445-2023-6-1-81-94
2. Храмова М.Н., Зорин Д.П. Проблемы реализации конкурентных преимуществ российского Дальнего Востока в контексте развития человеческого капитала. *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2020;(4):44–58. doi:10.26653/2076-4650-2020-4-04
3. Ракачев В.Н., Морозова Е.В. Высшее образование как ресурс политики развития региона: пример Краснодарского края. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022;24(4):827–855. doi:10.22363/2313-1438-2022-24-4-827-855
4. Клячко Т.Л., Семионова Е.А. Миграционная мобильность российской молодежи обусловлена образовательными приоритетами. *Экономическое развитие России*. 2021;28(10):61–63 Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-mobilnost-rossiyskoy-molodezhi-obuslovljena-obrazovatelnyimi-prioritetami> (дата обращения: 18.04.2025).
5. Дождиков А.В. Межрегиональная миграция молодежи в Российской Федерации. *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2024;4(3):119–137. doi:10.19181/demis.2024.4.3.8
6. Дождиков А.В. Образовательная миграция в Республике Мордовия. *Регионология*. 2023;31(1):182–198. doi:10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198
7. Дождиков А.В., Корнилова Е.В. Образовательная миграция абитуриентов между регионами Российской Федерации как источник данных для планирования развития системы высшего образования. *Высшее образование в России*. 2023;32(3):67–83. doi:10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83
8. Zhao M., Hu Y. Migration premium? The economic returns to youth inter-province migration in post-reform China. *Journal of Youth Studies*. 2019;22:1409–1427. doi:10.1080/13676261.2019.1587153
9. Ding X. College education and internal migration in China. *China Economic Review*. 2021;69:101649. doi:10.1016/j.chieco.2021.101649
10. Hvozdetzka B., Varha N., Nikon N., Kocsis Z., Kovács K. Migratory moods and temporary employment of students of Central and Eastern Europe. *Italian Sociological Review*. 2020;10:305. doi:10.13136/ISR.V10I2.342
11. Barylá E.A., Dotterweich D. Student migration: do significant factors vary by region? *Education Economics*. 2001;9(3):269–280. doi:10.1080/09645290110086135
12. Hanssen T., Mathisen T. Exploring the attractiveness of a Norwegian rural higher education institution using importance-performance analysis. *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2018;62:68–87. doi:10.1080/00313831.2016.1212254
13. Marsiglia F., Campos A., Wu S., Nuño-Gutiérrez B., García-Pérez H., Glick J. Exploring the association between educational aspirations and intentions to migrate among youth in Central Mexico by gender. *International Journal of Social Welfare*. 2023;33(3):579–590. doi:10.1111/ijsw.12625
14. Nygård O. Pre-migration status, social capital, and the educational aspirations of children of immigrants in disadvantaged Swedish schools. *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2021;66:580–593. doi:10.1080/00313831.2021.1897878
15. Chesters J., Cuervo H. (In)equality of opportunity: Educational attainments of young people from rural, regional and urban Australia. *The Australian Educational Researcher*. 2021;49:43–61. doi:10.1007/s13384-021-00432-0

16. Xiaoyin L., Abzhapparova A. Educational migration: the experience of China. *Journal of Philosophy, Culture and Political Science*. 2019. doi:10.26577/jpcp.2019.v67.i1.017
17. Reháč Š., Eriksson R. Migration of university graduates and structural aspects of regional higher education. *European Planning Studies*. 2020;28:1941–1959. doi:10.1080/09654313.2019.1700483
18. Cui C., Wang Y., Wang Q. The interregional migration of human capital: the case of “first-class” university graduates in China. *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2021;15:397–419. doi:10.1007/s12061-021-09401-7
19. Iammarino S., Marinelli E. Education-job (mis)match and interregional migration: Italian university graduates’ transition to work. *Regional Studies*. 2015;49:866–882. doi:10.1080/00343404.2014.965135
20. Haussen T., Uebelmesser S. Job changes and interregional migration of graduates. *Regional Studies*. 2018;52:1346–1359. doi:10.1080/00343404.2017.1381335
21. Fini R., Meoli A., Sobrero M. University graduates’ early career decisions and interregional mobility: self-employment versus salaried job. *Regional Studies*. 2022;56:972–988. doi:10.1080/00343404.2022.2069236
22. Horvath K. Migration background – statistical classification and the problem of implicitly ethnicising categorisation in educational contexts. *Ethnicities*. 2019;19:558–574. doi:10.1177/1468796819833432
23. Kotavaara N., Kotavaara O., Rusanen J., Muilu T. University graduate migration in Finland. *Geoforum*. 2018. doi:10.1016/j.geoforum.2018.07.010
24. Champion T., Green A., Kollydas K. The gainers and losers from the United Kingdom’s university-related migration: a subregional analysis of Graduate Outcomes Survey data. *Population, Space and Place*. 2024;30(5). doi:10.1002/psp.2757
25. López E.A., Juárez Л.Г., Veytia M.Г. Typological scheme of migrations and forced displacements. *Estudios Fronterizos*. 2019;20:e028. doi:10.21670/ref.190728
26. Piguet E., Kaenzig R., Guélat J. The uneven geography of research on “environmental migration”. *Population and Environment*. 2018;39:357–383. doi:10.1007/s11111-018-0296-4
27. Kaenzig R., Piguet E. Toward a typology of displacements in the context of slow-onset environmental degradation. An analysis of hazards, policies, and mobility patterns. *Sustainability*. 2021;13(18):10235. doi:10.3390/su131810235
28. Du H. Mobilities and identities of educated young adults: a life-history and biographical study. *China Review*. 2018;18:35–57
29. Davda L.S., Radford D.R., Scambler S., Gallagher J.E. A typology of internationally qualified dentists in the UK based on migration and professional integration. *Journal of Migration and Health*. 2024;9(1):100232. doi:10.1016/j.jmh.2024.100232
30. Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Васильева Е.Н. Образовательная миграция в контексте геополитических вызовов: монография. Москва: Проспект; 2023. 128 с. Режим доступа: <https://argorussia.ru/ru/node/1473> (дата обращения: 18.04.2025).
31. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики. *Вопросы образования*. 2016;(3):169–203. doi:10.17323/1814-9545-2016-3-169-203
32. Мкртчян Н.В. Половые диспропорции в потоках долговременной миграции в России. *Демографическое обозрение*. 2021;(3):6–19. doi:10.17323/demreview.v8i3.13264
33. Герасимов А.А. Соотношение полов во внутрирегиональной миграции в России: пространственная и возрастная дифференциация. *Демографическое обозрение*. 2022;(1):92–108. doi:10.17323/demreview.v9i1.14575

34. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Гребенюк А.А., Лебедева Т.В. Анализ миграционных процессов по данным переписей населения в России. *Экономика региона*. 2016;(1):175–188. doi:10.17059/2016-1-13
35. Сивоплясова С.Ю. Гендерные особенности миграционного поведения молодежи Центральной Азии и России. *Международный демографический форум: материалы заседания*. 2020:458–463. Режим доступа: <https://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/МеждДемФор2020.pdf> (дата обращения: 05.01.2025).
36. Микрюков Н.Ю. Межрегиональная и международная миграции как факторы гендерных диспропорций в регионах России. *Наука. Культура. Общество*. 2023;29(4):65–84. doi:10.19181/nko.2023.29.4.6
37. Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Ситковский А.М. Образовательные межрегиональные миграции в России в 2017–2019 гг.: гендерные и пространственные аспекты. *Новые исследования Тувы*. 2024;(3):226–239. doi:10.25178/nit.2024.3.13
38. Касымова С.Р. Гендерная социализация детей в контексте трудовой миграции из Таджикистана. *Диаспоры*. 2012;(2):124–148. Режим доступа: <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0583/analit02.php> (дата обращения: 05.01.2025).

References

1. Apienko S.N., Lukash A.V. Innovation development of regions and internal migration in Russia. *E-Management*. 2023;6(1):81–94. (In Russ.) doi:10.26425/2658-3445-2023-6-1-81-94
2. Khranova M.N., Zorin D.P. Problems of implementing competitive advantages of the Russian Far East in the context of human capital development. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo = Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2020;(4):44–58. (In Russ.) doi:10.26653/2076-4650-2020-4-04
3. Rakachev V.N., Morozoeva E.V. Higher education as a resource for regional development policy: the case of the Krasnodar Territory. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Political Science*. 2022;24(4):827–855. (In Russ.) doi:10.22363/2313-1438-2022-24-4-827-855
4. Klyachko T.L., Semionova E.A. Migration mobility of Russian youth is conditioned by educational priorities. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic Development of Russia*. 2021;28(10):61–63 (In Russ.) Accessed April 18, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-mobilnost-rossiyskoy-molodezhi-obuslovljena-obrazovatelnyimi-prioritetami>
5. Dozhdikov A.V. Interregional youth migration in the Russian Federation. *DEMIS. Demografichesk- ie issledovaniya = DEMIS. Demographic Research*. 2024;4(3):119–137. (In Russ.) doi:10.19181/demis.2024.4.3.8
6. Dozhdikov A.V. Educational migration in the Republic of Mordovia. *Regionologiya = Regionology*. 2023;31(1):182–198. (In Russ.) doi:10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198
7. Dozhdikov A.V., Kornilova E.V. Educational migration of applicants between regions of the Russian Federation as a source of data for planning the development of the higher education system. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2023;32(3):67–83. (In Russ.) doi:10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83
8. Zhao M., Hu Y. Migration premium? The economic returns to youth inter-province migration in post-reform China. *Journal of Youth Studies*. 2019;22:1409–1427. doi:10.1080/13676261.2019.1587153
9. Ding X. College education and internal migration in China. *China Economic Review*. 2021;69:101649. doi:10.1016/j.chieco.2021.101649

10. Hvozdetzka B., Varha N., Nikon N., Kocsis Z., Kovács K. Migratory moods and temporary employment of students of Central and Eastern Europe. *Italian Sociological Review*. 2020;10:305. doi:10.13136/isr.v10i2.342
11. Baryla E.A., Dotterweich D. Student migration: do significant factors vary by region? *Education Economics*. 2001;9(3):269–280. doi:10.1080/09645290110086135
12. Hanssen T., Mathisen T. Exploring the attractiveness of a Norwegian rural higher education institution using importance-performance analysis. *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2018;62:68–87. doi:10.1080/00313831.2016.1212254
13. Marsiglia F., Campos A., Wu S., Nuño-Gutiérrez B., García-Pérez H., Glick J. Exploring the association between educational aspirations and intentions to migrate among youth in central Mexico by gender. *International Journal of Social Welfare*. 2023;33(3):579–590. doi:10.1111/ijsw.12625
14. Nygård O. Pre-migration status, social capital, and the educational aspirations of children of immigrants in disadvantaged Swedish schools. *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2021;66:580–593. doi:10.1080/00313831.2021.1897878
15. Chesters J., Cuervo H. (In)equality of opportunity: educational attainments of young people from rural, regional and urban Australia. *The Australian Educational Researcher*. 2021;49:43–61. doi:10.1007/s13384-021-00432-0
16. Xiaoyin L., Abzhapparova A. Educational migration: the experience of China. *Journal of Philosophy, Culture and Political Science*. 2019. doi:10.26577/jpcp.2019.v67.i1.017
17. Reháč Š., Eriksson R. Migration of university graduates and structural aspects of regional higher education. *European Planning Studies*. 2020;28:1941–1959. doi:10.1080/09654313.2019.1700483
18. Cui C., Wang Y., Wang Q. The interregional migration of human capital: the case of “first-class” university graduates in China. *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2021;15:397–419. doi:10.1007/s12061-021-09401-7
19. Iammarino S., Marinelli E. Education-job (mis)match and interregional migration: Italian university graduates’ transition to work. *Regional Studies*. 2015;49:866–882. doi:10.1080/00343404.2014.965135
20. Haussen T., Uebelmesser S. Job changes and interregional migration of graduates. *Regional Studies*. 2018;52:1346–1359. doi:10.1080/00343404.2017.1381335
21. Fini R., Meoli A., Sobrero M. University graduates’ early career decisions and interregional mobility: self-employment versus salaried job. *Regional Studies*. 2022;56:972–988. doi:10.1080/00343404.2022.2069236
22. Horvath K. Migration background – statistical classification and the problem of implicitly ethnicising categorisation in educational contexts. *Ethnicities*. 2019;19:558–574. doi:10.1177/1468796819833432
23. Kotavaara N., Kotavaara O., Rusanen J., Muilu T. University graduate migration in Finland. *Geoforum*. 2018. doi:10.1016/j.geoforum.2018.07.010
24. Champion T., Green A., Kollydas K. The gainers and losers from the United Kingdom’s university-related migration: a subregional analysis of Graduate Outcomes Survey data. *Population, Space and Place*. 2024;30(5). doi:10.1002/psp.2757
25. López E.A., Juárez L.G., Veytia M.G. Typological scheme of migrations and forced displacements. *Estudios Fronterizos*. 2019;20:e028. doi:10.21670/ref.190728
26. Piguet E., Kaenzig R., Guélat J. The uneven geography of research on “environmental migration”. *Population and Environment*. 2018;39:357–383. doi:10.1007/s11111-018-0296-4
27. Kaenzig R., Piguet E. Toward a typology of displacements in the context of slow-onset environmental degradation. An analysis of hazards, policies, and mobility patterns. *Sustainability*. 2021;13(18):10235. doi:10.3390/su131810235

28. Du H. Mobilities and identities of educated young adults: a life-history and biographical study. *China Review*. 2018;18:35–57.
29. Davda L.S., Radford D.R., Scambler S., Gallagher J.E. A typology of internationally qualified dentists in the UK based on migration and professional integration. *Journal of Migration and Health*. 2024; 9(1):100232. doi:10.1016/j.jmh.2024.100232
30. Rostovskaya T.K., Skorobogatova V.I., Vasilieva E.N. *Obrazovatel'naya migratsiya v kontekste geopoliticheskikh vyzovov = Educational Migration in the Context of Geopolitical Challenges*. Moscow: Publishing House Prospekt; 2023. 128 p. (In Russ.) Accessed April 18, 2025. <https://argorussia.ru/ru/node/1473>
31. Kashnitsky I.S., Mkrtychyan N.V., Leshukov O.V. Interregional youth migration in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2016;(3):169–203. (In Russ.) doi:10.17323/1814-9545-2016-3-169-203
32. Mkrtychyan N.V. Gender disproportions in long-term migration flows in Russia. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2021;(3):6–19. (In Russ.) doi:10.17323/demreview.v8i3.13264
33. Gerasimov A.A. Gender balance in intraregional migration in Russia: spatial and age differentiation. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2022;(1):92–108. (In Russ.) doi:10.17323/demreview.v9i1.14575
34. Vorobyova O.D., Topilin A.V., Grebenyuk A.A., Lebedeva T.V. Analysis of migration processes based on population census data in Russia. *Ekonomika regiona = Regional Economy*. 2016;(1):175–188. (In Russ.) doi:10.17059/2016-1-13
35. Sivoplyasova S.Y. Gender peculiarities of migration behavior of youth in Central Asia and Russia. In: *Mezhdunarodny demograficheski forum: materialy zasedaniya = International Demographic Forum: Proceedings*. 2020:458–463. (In Russ.) Accessed January 05, 2025. <https://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/МеждДемФор2020.pdf>
36. Mikryukov N.Y. Interregional and international migrations as factors of gender disproportions in Russian regions. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Science. Culture. Society*. 2023;29(4):65–84. (In Russ.) doi:10.19181/nko.2023.29.4.6
37. Bezverbnny V.A., Mikryukov N.Y., Sitkovsky A.M. Educational interregional migrations in Russia in 2017–2019: gender and spatial aspects. *Novye issledovaniya Tuvy = New Research of Tuva*. 2024;(3):226–239. (In Russ.) doi:10.25178/nit.2024.3.13
38. Kasymova S.R. Gender socialization of children in the context of labor migration from Tajikistan. *Diaspory = Diasporas*. 2012;(2):124–148. (In Russ.) Accessed January 05, 2025. <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0583/analit02.php>

Информация об авторах:

Ситковский Арсений Михайлович – младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Динамика языков в миноритарной ситуации» Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-8725-6580, ResearcherID AAG-1530-2021. E-mail: omnistat@yandex.ru

Дождиков Антон Валентинович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры ЮНЕСКО, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-1069-1648, ResearcherID KYP-9166-2024. E-mail: antondnn@yandex.ru

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в сбор эмпирических данных, их обработку и написание статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; поступила после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 07.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Arseniy M. Sitkovskiy – Junior Researcher, Research Laboratory “Language Dynamics in a Minority Situation”, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, Peoples’ Friendship University of Russia named after P. Lumumba, Moscow, Russian Federation; ORCID 0000-0002-8725-6580, ResearcherID AAG-1530-2021. E-mail: omnistat@yandex.ru

Anton V. Dozhdikov – Cand. Sci. (Politics), Senior Researcher, UNESCO Chair, Institute for Social and Political Research, Federal Research Sociological Centre of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; ORCID 0000-0002-1069-1648, ResearcherID KYP-9166-2024. E-mail: antondnn@yandex.ru

Contribution of the authors. The authors contributed equally to collecting empirical data, processing data, and writing the article.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 12.02.2025; revised 28.04.2025; accepted 07.05.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.